

Н.Ф. ФОН КРУЗЕ ОБ ОБЯЗАННОСТИ ЦЕНЗОРА И ЗНАЧЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ

А.А. Маслова

Аннотация. В статье рассматривается специфика деятельности цензора Московского комитета Н.Ф. фон Крузе. Раскрываются подробности функционирования цензурного законодательства в 1855–1858 гг. и особенности государственной политики по надзору в сфере печати на заре реформаторских начинаний императора Александра II. Особое внимание в статье уделяется позиции цензора Н.Ф. фон Крузе как чиновника и гражданина. Для прояснения вопроса о его вкладе в развитие отечественной литературы автор вводит в научный оборот новые источники. Автор приходит к выводу о том, что, действуя строго в рамках Устава, цензор фон Крузе применял практику конструктивного подхода, добросовестно рецензируя рукописи и продуктивно взаимодействуя с авторами, что способствовало расширению границ свободы печати дореформенного периода.

Ключевые слова: цензура, свобода печати в России, Московский цензурный комитет, реформы Александра II, Н.Ф. фон Крузе, М.П. Погодин.

Для цитирования: Маслова А.А. Н.Ф. фон Крузе об обязанности цензора и значении литературы в России // Преподаватель XXI век. 2022. № 4. Часть 2. С. 286–293. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-4-286-293

N.F. VON KRUSE ON THE DUTY OF THE CENSOR AND THE IMPORTANCE OF LITERATURE IN RUSSIA

А.А. Maslova

Abstract. The article deals with the specifics of N.F. von Kruse's activity as censor of the Moscow Committee. The author reveals details of censorship law functioning in 1855-1858 and peculiarities of the state policy of press supervision at the dawn of reformatory undertakings of Emperor Alexander II. The article pays special attention to the position of censor N. F. von Kruse as a public official and a citizen. In order to clear up the question about his contribution to the development of the national literature the author introduces new sources. The author concludes that, acting strictly within the framework of the Statute, censor von Kruse applied the practice of constructive approach, reviewing manuscripts in good faith and interacting productively with authors, which contributed to expanding the boundaries of press freedom of the pre-reform period.

Keywords: censorship, freedom of the press in Russia, Moscow Censorship Committee, reforms of Alexander II, N.F. von Kruse, M.P. Pogodin.

© Маслова А.А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Cite as: Maslova A.A. N.F. von Kruse on the Duty of the Censor and the Importance of Literature in Russia. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2022, No. 4, part 2, pp. 286–293. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-4-286-293

«Приятель всех западников и славянофилов, друг Каткова, корреспондент Герцена, готовый на все и желающий переворотов», — такой отзыв Московского генерал-губернатора А.А. Закревского заслужил цензор Николай Фёдорович фон Крузе (1823–1901)¹ в записке о неблагонамеренных людях, представленной шефу III отделения [1, с. 8]. В среде литераторов второй половины XIX столетия Н.Ф. фон Крузе удостоился весьма лестных отзывов, заслужив признание таких виднейших деятелей, как Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, И.И. Панаев, Н.А. Некрасов, И.А. Гончаров, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов и др. Для прояснения вопроса о заслугах Н.Ф. фон Крузе в должности цензора Московского цензурного комитета обратимся к его интеллектуальной биографии.

Цензурная деятельность Н.Ф. фон Крузе была не столь продолжительна, она составила всего около трёх лет. Этот период его службы был весьма заметен рецензированием журнала М.Н. Каткова «Русский вестник». Это издание выходило в Москве с 1856 г. и стало влиятельным общественно-политическим печатным органом Российской империи второй половины XIX столетия.

Ярчайшим эпизодом работы Н.Ф. Крузе с «Русским вестником» стала небезызвестная публикация в последнем номере за 1857 г. сообщения об обеде в купеческом собрании. За пропуск данного материала цензор получил строжайший выговор [2, л. 6]. Обед явился данью намеченной программе реформ императора Александра II со стороны литераторов, журналистов, деятелей коммерции и др.² В дополнение к тостам участников с пожеланием здоровья государю в «Русском вестнике» была напечатана речь предпринимателя В.А. Кокорева, не произнесенная в связи с тем, что «она могла получить особенное практическое значение лишь среди купеческого сословия» [3, с. 212]. Суть этой речи — призыв купцов оказать финансовую помощь государству в деле проведения выкупной операции, поскольку особенно мелкопоместным крестьянам «необходимы денежные средства для насущных потребностей жизни» [там же, с. 214]. В.А. Кокорев выразил сопереживание анонсированной реформе отмены крепостного права: «Да ниспошлет Провидение всем открывающимся комитетам о крестьянах чистоту в намерениях и ясность в воззрениях, а главное, такую простоту в определении новых

¹ Н.Ф. фон Крузе (1823–1901) — дворянин, окончил Харьковский университет со степенью кандидата в 1844 г., в том же году вступил на службу в Петербург в канцелярию петербургского гражданского губернатора, в 1849 г. перешел в должность младшего, а затем старшего помощника секретаря в канцелярию второго отделения шестого департамента сената, после чего в 1852 г. был назначен старшим чиновником особых поручений при костромском губернаторе, а затем переведен в Москву чиновником особых поручений при попечителе Московского учебного округа генерал-адъютанта В.И. Назимова. В 1855 г. назначен цензором в Московский цензурный комитет, в 1858 г. был уволен от этой должности с причислением к Министерству народного просвещения, а с 1859 г., согласно своему прошению, — вовсе от службы. После увольнения жил за границей.

² Число участников обеда составило 180 человек, среди них были М.Н. Катков, А.В. Станкевич, М.П. Погодин, К.Д. Кавелин и др. См.: *Русский вестник*. 1857. Т. 12. Современная летопись. С. 203.

начал, которая была бы понятна всем, и выражала бы очевидную удобоприменяемость к жизни. Затем нужно общее участие всех сословий, не на словах только, но и на самом деле» [там же, с. 213]. Заслуживает внимания мотивация, вдохновившая В.А. Кокорева призвать купечество к участию в выкупе крестьян: «Когда новый порядок сообщит довольство крестьянам, тогда вся торговля разовьется и примет другие размеры, значит, и мы, купцы, будем иметь новую огромную выгоду. За что же мы эту выгоду получим даром, без всякого участия в общем деле нового устройства крестьян? Ведь нам будет стыдно смотреть и на дворян, и на крестьян» [там же, с. 213–214].

Общеизвестно, что рескрипты императора Александра II о создании губернских комитетов для решения крестьянского вопроса³ придали обсуждению этой проблемы гласный характер. Закономерным образом эта тема стала активно обсуждаться в литературе и журналистике. Публикация сообщения об обеде стала лишь очередной статьёй среди подобных, так или иначе затрагивающих крестьянский вопрос. Небезынтересно, что напечатание речи В.А. Кокорева даже при отсутствии резких высказываний и порицания действий правительства, вызвав недовольство Министерства народного просвещения, вскоре повлекло за собой даже отставку цензора Н.Ф. фон Крузе.

Ключевую роль в увольнении Николая Федоровича сыграли три обстоятельства. Прежде всего, это общественный резонанс, вызванный речью В.А. Кокорева и ее обсуждением в корреспонденции современников, в частности П.Н. Анненкова, Е.Ф. Корша, И.С. Тургенева, С.П. Шевырева, А.В. Головина, Ю.Ф. Самарина

и др. [4, с. 89–96]. Во-вторых, это публичная благодарность в адрес Н.Ф. фон Крузе за публикацию декабрьской речи. В.А. Кокорев в своем тосте, произнесенном на январском обеде в его доме, охарактеризовал Н.Ф. фон Крузе как «познавшего виды правительства на литературу» и «своей добросовестной цензурой способствующего просвещению» [2, л. 7 об.]. И, конечно, не в последнюю очередь значительную роль сыграл консервативный настрой чиновничьей среды. В январе 1858 г. обсуждение статьи об обеде 28 декабря и грубейшего нарушения со стороны цензора Н.Ф. фон Крузе шло на высшем уровне между министром народного просвещения А.С. Норовым, попечителем Московского учебного округа Е.П. Ковалевским, включая самого императора [там же, л. 7–15], а 28 февраля был издан особый циркуляр, адресованный конкретно Московскому цензурному комитету, предписывавший «наистрожайше запретить допускать в печать все, что переносит крестьянский вопрос на политическую почву, удерживая писателей по этому вопросу» [5, с. 42]. В отношении же Н.Ф. Крузе, как уже упоминалось, были применены санкции, а также затребовано объяснение о причинах, по которым он нашел возможным опубликовать столь вызывающую обеденную речь В.А. Кокорева. Это объяснение представляет особый интерес, поскольку оно раскрывает цензурскую позицию Н.Ф. Крузе. Оно было полностью опубликовано в 1898 г. в журнале «Русская старина» [6, с. 49–72]. Остановимся отдельно на содержании данного документа.

Приступая к изложению дела, Н.Ф. Крузе подчеркнул, что всегда руководствовался

³ 20 ноября 1857 г. генерал-губернатору Западного края В.И. Назимову, 5 декабря — Санкт-Петербургскому военному генерал-губернатору П.Н. Игнатьеву.

в своей деятельности тремя установками: общими правилами Цензурного устава, который «ограждает коренные начала государственного порядка», частными предписаниями своего начальства, а также «духом правительства и требованиями текущего дня» [там же, с. 55–56]. Последний ориентир, по признанию фон Крузе, представляет собой немало затруднений: «чтобы не дать воли своему воображению, нужно по каким-либо несомненным признакам истолковывать себе правительственные цели и желания» [там же, с. 56]. Н.Ф. Крузе констатировал, что «с некоторых пор правительство допустило более жизни в литературной деятельности», разрешено множество новых периодических изданий, «не поставляется препятствий суждениям о важных вопросах» [там же, с. 56]. На этом основании он составил себе «понятие о намерениях правительства» и, «судя по означенным признакам», оно требовало от цензора «охранения, а не придинок, осторожной терпимости, а не произвольных и всегда возможных стеснений» [там же, с. 56]. Таким образом, цензор Н.Ф. Крузе, ориентируясь на намеченный правительством курс, позволил себе игнорировать все дополнения, возникшие к первоначальной редакции Устава 1828 г. «Чтобы разрешить печатание речи В.А. Кокорева, — писал он, — я не имел надобности делать какие-либо предположения и пускаться в догадки. Тут писанный закон отнимал у меня всякое право подвергнуть запрещению эту речь» [там же, с. 57] (курсив наш. — А.М.). Здесь обнаруживается его трактовка сути цензуры и представления о миссии чиновника, которому исходный указ эпохи императора Николая I предписывал «не допускать толкования в дурную сторону» [7, с. 460]. Фон Крузе также выразил в объяснении и свое представление о задаче, стоящей

перед цензором. По его мнению, она состоит в том, чтобы «обуздывать злоупотребления мысли, а не посягать на святыню просвещения, поскольку для цензора одинаково страшно впасть в преувеличенность опасений или переступить за границу благоразумия» [6, с. 56].

Весьма любопытны в данном объяснении представления Н.Ф. Крузе об обязанности и совести самого цензора. «Если в одной стороне я не мог опереться ни на какой пункт цензурного устава и ни на какие предписания моего начальства, чтобы помешать публичному выражению таких безвредных надежд, — сообщал Н.Ф. Крузе, — то в другой, мысль Кокарева, не имеющая в себе ничего раздражающего и тревожного, представилась мне не только справедливой, но и существенно полезной» [там же, с. 57]. Как видно, большую ценность для Н.Ф. Крузе имел долг цензора «не входить в разбор справедливости или неосновательности частных мнений и суждений писателя» [7, с. 461], диктуемый Уставом 1828 г. Современники подтверждали, что Николай Федорович всю полноту ответственности за пропуск речи В.А. Кокорева взял на себя [8, с. 498]. Интересна мотивация Н.Ф. Крузе принять решение об этой публикации самостоятельно: «Доводить до высшего начальства дело, которое не выходило из пределов моего полномочия, я считал не только лишним, но и в высшей степени неудобным». Объясняя эти неудобства, Н.Ф. Крузе писал: «Как желание частного человека, принадлежащего к купеческому сословию, оно никого ни к чему не обязывает. Но если бы речь эта была представлена на разрешение высшего начальства и одобрена самим правительством, то слово частного человека получило бы во мнении публики особенное значение. Неизбежно распространились бы слухи, что правительство

ожидает и требует от купеческого сословия пожертвований» [6, с. 59].

Третья часть объяснения обнажает гражданскую позицию Н.Ф. Крузе. Оценивая общественную инициативу В.А. Кокорева, он отметил достоинство и резонантность предложенных им мер: «Дело общее, касается всех; действующими лицами являются помещики и крестьяне. Купеческое сословие остается как будто вне вопроса, что же дурного, если оно по мере сил поможет достижению цели? Для чести России хорошо, когда никто не останется холодным зрителем исторического события, а поэтому одним из капиталистов к изъявлению желания, чтобы капиталисты способствовали также осуществлению великих видов правительства, не показалось мне неблагонамеренным и неприличным» [там же, с. 57]. В данном случае цензор Н.Ф. Крузе предстал перед нами сторонником либеральных преобразований, готовым отстаивать свои убеждения перед руководством.

Н.Ф. Крузе отметил, что обращение за допуском к печати речи В.А. Кокорева в Главное правление училищ привело бы к непоправимым последствиям для имиджа правительства и дало бы импульс к масштабной ее популяризации, неизбежно последовавшую за ее ограничением: «Высшее начальство, без нужды и неуместно спрошенное, было бы поставлено в положение неловкое и затруднительное: запретить то, что удовлетворяет всем условиям литературной благонамеренности — значило бы сделать несправедливость, которая неизбежно отозвалась бы в публике, придала бы этой речи преувеличенное значение, как всегда это случается с запрещаемыми статьями и книгами, и ненапечатанная речь распространилась бы с различными прибавками, во множестве рукописных экземпляров, которые действуют всегда возбuditельнее, чем

книги. Одобрить — значило бы сообщить некоторую официальность простому слову частного человека и, таким образом, подать повод думать о своей солидарности с ним» [там же, с. 59]. Таким образом, Н.Ф. Крузе проявил сознательность и как гражданин, отстаивающий свои политические взгляды, и как чиновник, движимый бременем патриотизма. Он подчеркнул, что им двигало также и опасение за облик государства: «Долг честной службы требует не одного только формального исполнения буквы закона, а усердной заботливости о соблюдении достоинства и интересов правительства. Цензор должен дорожить дарованным ему правом обращаться в затруднительных случаях с вопросами к высшему начальству и не употреблять этого права во зло» [там же, с. 59–60].

Н.Ф. Крузе заострил внимание на том, что у него отсутствовала альтернатива вердикта относительно речи В.А. Кокорева по причине прозрачности и главенства цензурного устава: «Если бы возникли во мне какие-либо сомнения, *если бы цензор решил на превышение власти* (курсив наш. — А.М.) и вопреки прямым указаниям закона стал бы толковать каждое слова автора в негодную для него сторону, то тогда, по моему искреннему убеждению, я не доискался бы ни одного смысла, который подал мне повод к запрещению» [там же, с. 57–58].

Отдельно заслуживает упоминания, что Н.Ф. Крузе, пользуясь случаем письменного взаимодействия с высшим начальством, просил о возможности изложить императору собственный проект реформы цензурного регламента. Сам проект в настоящий момент неизвестен исторической науке. Однако впервые нами установлено, что Н.Ф. Крузе все же его составил и подал, о чем находим подтверждение в переписке с Погодиным: «Мне бы очень хотелось прочитать Вам

мою записку, посланную в Петербург] для государя. Я полагаю на нее большие надежды» [9, л. 26]. В следующем письме к историку Николай Федорович поделился уже подробностями восприятия начальством своего законопроекта: «Следствия моей записки уже обнаруживаются. Вчера получено известие из Министерства, что приступили к пересмотру Цензурного Устава и поэтому требуют моего мнения о том, что должно изменить, что не менять и что прибавить к прежнему Закону» [там же, л. 24–24 об.].

Таким образом, Н.Ф. Крузе, выйдя за рамки своего цензорского ампула, предстал перед нами не просто как чиновник и благородный контролер печати, но гражданин прогрессивных взглядов и реформатор. Действуя строго в рамках цензурного права, Н.Ф. фон Крузе добросовестно рецензировал рукописи, и, заинтересованный в процветании отечественной литературы и общественно-политической мысли, мужественно позволял наиболее передовые произведения. Как видно, Николай Федорович не отказался ни от своей практики, ни от своих взглядов, отражавших его гражданскую позицию, даже под угрозой неприятностей. М.Н. Катков в письме к В.П. Безобразову отметил ценность цензорской позиции Н.Ф. Крузе и ее значение для русской литературы: «Он понял смысл современных требований и обрек себя на энергическое служение им. Он был пионером новой области, которая открылась для русской мысли и слова; он шел

вперед, разведывая пути, не отступая ни на шаг, и пространство, пройденное им, останется навсегда за русским словом; никакая реакция, никакие интриги не отобьют назад этого пространства; могут быть еще жертвы, но общее дело вне всякой опасности [10, с. 57]. Заслужив вышупомянутое признание литераторов и журналистов, Н.Ф. Крузе в то же время впал в немилость высшей администрации и 12 декабря 1858 г. был уволен с причислением к Министерству народного просвещения, а 1 января 1859 г., согласно его же собственному прошению, вовсе от службы.

Записка, поданная Н.Ф. Крузе в качестве объяснения своему начальству, очень примечательна во многих отношениях. Она раскрывает не только личные взгляды цензора, но также особенности функционирования цензурного законодательства в первые годы царствования императора Александра II, подробности взаимодействия служащих цензурного аппарата с высшим чиновничеством, а главное — двойственность эпохи, когда уже заявлено публично о необходимости отмены крепостного права сверху, но в то же время подвергаются увольнению либеральные цензоры, отторгающие порядки мрачного семилетия. Но даже при такой краткосрочной деятельности и стольких препятствиях цензор фон Крузе благодаря своему бюрократическому мужеству и негнимо гражданской позиции стал триумфатором в деле борьбы за свободу печати в дореформенной России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лемке, М.К. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1903. 522 с.
2. Дело о строжайшем выговоре цензору Московского цензурного комитета Н.Ф. Крузе за пропуск в журнале «Русский вестник» 1857 года, № 24, либеральной речи В.А. Кокорева и о запрещении ее перепечатки // Российский государственный исторический архив.

- Ф. 772 Главное управление цензуры Министерства народного просвещения. Оп. 1. Д. 4345. 52 л.
3. Обед 28-го декабря // Современная летопись «Русского вестника». 1857. Т. 12. С. 203–217.
 4. На заре крестьянской свободы (материалы для характеристики общества) (1857–1861 гг.) // Русская старина. 1898. Т. 93. С. 73–96.
 5. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб.: Тип. Морского министерства, 1862. 482 с.
 6. Московский обед 28-го декабря 1857 г. и его последствия // Русская старина. 1898. Т. 93. С. 49–72.
 7. Устав о Цензуре. 22 апреля 1828 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2-е. Т. 3. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 459–478.
 8. Барсуков, Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22-х т. Кн. 15. СПб.: Погодин и Стасюлевич, 1888–1910. 552 с.
 9. Письма Н.Ф. Крузе к Погодину // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 231 Погодин Михаил Петрович. К. 17. Ед. хр. 40. 41 л.
 10. Михайловский, Н.К. Памяти двух писателей и одного цензора // Последние сочинения Н.К. Михайловского. Т. 2. СПб.: Ред. журнала «Русское богатство», 1905. 504 с.

REFERENCES

1. Lemke, M.K. *Epoha cenzurnyh reform 1859–1865 godov* [The Era of Censorship Reforms of 1859–1865]. St. Petersburg, Izdatelstvo M.V. Pirozhkova, 1903, 522 p. (in Russ.)
2. Delo o strozhajshem vygovore cenzoru Moskovskogo cenzurnogo komiteta N.F. Kruze za propusk v zhurnale “Russkij vestnik” 1857 goda, № 24, liberalnoj rechi V.A. Kokoreva i o zapreshchenii ee perepechatki [The Case of the Strictest Reprimand to the censor of the Moscow Censorship Committee N.F. Kruse for Omitting in the Magazine «Russian Bulletin» of 1857, No. 24, the Liberal Speech of V.A. Kokorev and the Prohibition of Its Reprint]. *The Russian State Historical Archive*, fund 772 The Main Directorate of Censorship of the Ministry of Public Education, inventory 1, file 4345, sheets 52. (in Russ.)
3. Obed 28-go dekabrya [Lunch on December 28th], *Sovremennaya letopis “Russkogo vestnika”* = The Modern Chronicle of the “Russian Bulletin”, 1857, vol. 12, pp. 203–217. (in Russ.)
4. Na zare krestyanskoj svobody (materialy dlya harakteristiki obshchestva) (1857–1861 gg.) [At the Dawn of Peasant Freedom (Materials for the Characteristics of Society) (1857–1861)], *Russkaya starina* = Russian Antiquity, 1898, vol. 93, pp. 73–96. (in Russ.)
5. *Sbornik postanovlenij i rasporyazhenij po cenzure s 1720 po 1862 god* [Collection of Resolutions and Orders on Censorship from 1720 to 1862]. St. Petersburg, Tipografiya Morskogo ministerstva, 1862, 482 p. (in Russ.)
6. Moskovskij obed 28-go dekabrya 1857 g. i ego posledstviya [Moscow Dinner on December 28, 1857 and Its Consequences], *Russkaya starina* = Russian Antiquity, 1898, vol. 93, pp. 49–72. (in Russ.)
7. Ustav o Cenzure. 22 aprelya 1828 g. [The Statute of Censorship. April 22, 1828]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie 2-e. T. 3* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire: Collection 2, vol. 3]. St. Petersburg, Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1830, pp. 459–478. (in Russ.)

8. Barsukov, N.P. *Zhizn i trudy M.P. Pogodina: v 22-h t. Kn. 15* [The Life and Works of M.P. Pogodin: In 22 vol. of Book 15]. St. Petersburg, Pogodin i Stasyulevich, 1888–1910, 552 p. (in Russ.)
9. Pisma N.F. Kruze k Pogodinu [Letters of N.F. Kruze to Pogodin]. *Department of Manuscripts of the Russian State Library*, fund 231 Pogodin Mihail Petrovich, k. 17, storage unit 40, sheets 41. (in Russ.)
10. Mihajlovskij, N.K. Pamyati dvuh pisatelej i odnogo cenzora [In Memory of Two Writers and One Censor]. In: *Poslednie sochineniya N.K. Mihajlovskogo* [The Last Works of N.K. Mikhailovsky, vol. 2]. St. Petersburg, Russkoe bogatstvo, 1905, 504 p. (in Russ.)

Маслова Анна Александровна, кандидат исторических наук, преподаватель, кафедры гуманитарных наук, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, avonavi.anie@gmail.com

Anna A. Maslova, PhD in History, Lecturer, Humanities Department, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, avonavi.anie@gmail.com

Статья поступила в редакцию 22.07.2022. Принята к публикации 26.08.2022

The paper was submitted 22.07.2022. Accepted for publication 26.08.2022